

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

(Изъ моихъ записокъ).

Въ театральномъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, въ началѣ 1820-хъ годовъ, хотя и былъ уже устроенъ постоянный театръ, но на немъ играли мы только въ великій постъ, во время экзаменовъ и иногда въ успенской постъ. Учителемъ драматическаго искусства былъ у насъ тогда князь Александръ Александровичъ Шаховской, считавшійся въ то время, и по справедливости, знатокомъ театральнаго дѣла. Когда же, въ 1822 г., любимыя ученицы князя были выпущены изъ училища, онъ пересталъ ѣздить въ школу, а продолжалъ свои уроки у себя на дому. Такимъ образомъ, училище осталось безъ драматическаго учителя, а домашній нашъ театръ безъ употребленія. Мы тогда задумали устраивать, въ свободное время, домашніе спектакли собственными средствами. Инспекторомъ театральнаго училища былъ въ ту пору Иванъ Самойловичъ Бокъ, онъ же занималъ и докторскую должность при театрѣ. Это былъ человекъ очень добрый, простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый и трусливый до-нельзя. Онъ ни за что не позволялъ воспитанницамъ участвовать въ нашихъ спектакляхъ: „Играйте, говорить, одни, а я объ этомъ директора не смѣю просить“. Нечего дѣлать, надо было выбирать пьесы безъ женскаго персонала, но это было довольно затруднительно, потому что таковыхъ въ тогдашнемъ репертуарѣ не имѣлось. Мои товарищи-однокашники избрали меня своимъ режиссеромъ и мы принуждены были играть тогда по большей части пародіи, недозволенные цензурой; какъ на прим.: Митюху Валдайскаго (пародія на Димитрія Донскаго), Трумфа соч. Ивана Андреевича Крылова *) и нѣкоторыя другія... Чтобы помочь нашему бѣдному репертуару, я въ то время написалъ то же пародію, въ стихахъ, подъ названіемъ: „Неронъ“ и потомъ „Сентябрьскую Ночь“, сюжетъ которой заимствовалъ изъ разсказа (Алек-

*) Напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. т. III, стр. 161—200. См. тамъ-же стр. 394, 536 и 646.

Ред.

сандра Бестужева), помѣщеннаго въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ журналу „Сынъ Отечества“. Двѣ эти пьески были безъ женскихъ ролей и имѣли на нашей миньютурной сценѣ большой успѣхъ. Само собою разумѣется, что наша домашняя публика была не взыскательна и снисходительно относилась къ доморощенному автору. Главныя въ нихъ роли играли мои совоспитанники—Григорьевъ и Воротниковъ. Петръ Ивановичъ Григорьевъ, впоследствии извѣстный актеръ и сочинитель, готовился тогда быть музыкантомъ и уже начиналъ играть на виолончелѣ въ театральномъ оркестрѣ. Я уговорилъ его принять участіе въ нашихъ спектакляхъ; онъ согласился попробовать свои средства и, сыгравъ удачно нѣсколько ролей, такъ пристрастился къ сценическимъ занятіямъ, что вскорѣ вылезъ изъ оркестра на сцену, оставилъ свой инструментъ и рѣшился сдѣлаться актеромъ. Черезъ годъ послѣ того онъ началъ учиться у кн. Шаховскаго и дебютировалъ на публичной сценѣ.

По выходѣ моемъ изъ училища (въ 1823 году), я продолжалъ занимать принятую на себя должность режиссера у прежнихъ своихъ однокашниковъ. Наши ребяческіе спектакли посѣщала нѣсколько разъ Александръ Сергѣевичъ Грибовъдовъ — и они ему очень нравились... Я помню, какъ онъ отъ души хохоталъ, смотря моего „Нерона“. Водевиль же мой „Сентябрская Ночь“ онъ даже уговаривалъ меня тогда поставить на публичномъ театрѣ, но я въ то время не смѣлъ и мечтать объ этой чести*!)

Видѣтъ съ Грибовъдовымъ посѣщала наши спектакли Александръ Бестужевъ. Однажды мнѣ случилось играть на нашемъ театрѣ роль офицера Хрустилина въ водевилѣ „Пурсоньякъ“ (кн. Шаховскаго). Въ нашемъ театральномъ гардеробѣ мундиры были больно безобразныя, и я выпросилъ у Бестужева его адъютантскій мундиръ со всѣми къ нему принадлежностями... И какъ же я былъ тогда доволенъ, что могъ на сценѣ пощеголять въ настоящей гвардейской формѣ!.. что, разумѣется, не дозволено было на публичномъ театрѣ...

Думалъ-ли я тогда, что, можетъ быть, играю въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ, черезъ нѣсколько времени, Бестужевъ будетъ разыгрывать злополучную роль на Сенатской площади и за которую его вызовутъ въ Петропавловскую крѣпость!!

Въ 1824 году появилась въ рукописи безсмертная комедія Грибовъдова. Въ печати были тогда только двѣ или три сцены изъ нея, помѣщенныя въ альманахѣ, подъ названіемъ „Русская Талія“ издан.

*) Въ 1830 году этотъ водевиль былъ игранъ на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ актера Рязанцева.

Булгаринимъ; но вся комедія была въ то время запрещеннымъ плодомъ... Мы съ Григорьевымъ предложили Александру Сергѣевичу разыграть „Горе отъ ума“ на нашемъ школьномъ театрѣ, и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большого труда намъ стоило упросить добраго инспектора Бока—дозволить и воспитанницамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ... наконецъ онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней расписали роли, въ недѣлю ихъ выучили и дѣло пошло на ладъ *). Самъ Грибоводовъ пріѣзжалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое „Горе отъ ума“ на нашемъ ребяческомъ театрѣ!.. Хотя, конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ, что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера—и тѣ также насъ похваливали... Наконецъ комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный пузырь! Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней репетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ, и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича (который имѣлъ тогда главное начальство надъ императорскими театрами и которому кто-то донесъ объ нашихъ затѣяхъ), чтобъ мы не смѣли такъ либеральничать и что пьесу, неодобренную цензурой, нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ. Всѣ мы повѣсили носы отъ этого неожиданнаго извѣстія и пришлось намъ горемычнымъ повторить два стиха изъ запрещенной комедіи:

«Ни безпокойства, ни сомнѣнья,
А горе ждетъ изъ-за угла!»

Да, дѣйствительно, мы всѣ были въ страшномъ горѣ, а нашъ простодушный Бокъ перетрусился не на шутку; онъ, кажется, боялся, чтобъ за свою слабость къ намъ не попасть ему въ крѣпость!.. Но дѣло ограничилось однимъ только выговоромъ.

Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибоводову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что, конечно, его сильно огорчило.

*) Вотъ фамиліи воспитанниковъ и воспитанницъ, которыя должны были участвовать въ комедіи: Григорьевъ—Чацкаго, Чайчиковъ—Фамусова, я—Репетилова, Экуницъ—Скалозуба, Софью—Прилуцкая, Лизу—Лебедева (впослѣдствіи она вышла замужъ за танцора Шелихова), Хлестову—Ковалева (теперь она классная дама въ театральномъ училищѣ), остальныхъ не помню... Но чуть-ли только мы вдвоемъ съ Ковалевой изъ всего этого персонала и удѣлѣли на нашей жизненной сценѣ. П. К.

Итакъ, поэту не суждено было видѣть на сценѣ (даже и въ такомъ горемычномъ исполненіи, какъ наше) своей бессмертной комедіи.

Въ этотъ періодъ времени, ГрибоѢдовъ часто бывалъ у насъ въ домѣ, а мы съ братомъ, Васильемъ Андреевичемъ, еще чаще посѣщали его... Кромѣ его остроумной бесѣды, любилъ я слушать его великолѣпную игру на фортепьяно... сядетъ онъ, бывало, къ нимъ и начнетъ фантазировать..... сколько было тутъ вкуса, силы, дивной мелодіи! Онъ былъ отличный пьянистъ и большой знатокъ музыки: Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ и Веберъ были его любимые композиторы. Однажды я сказалъ ему: „Ахъ, А. С., сколько Богъ далъ вамъ талантовъ: вы поэтъ, музыкантъ, были лихой кавалеристъ и наконецъ, отличный лингвистъ!“ (онъ, кромѣ пяти европейскихъ языковъ, основательно зналъ персидскій и арабскій языки). Онъ улыбнулся, взглянулъ на меня умными своими глазами изъ подъ очковъ, и отвѣчалъ мнѣ: „Повѣрь мнѣ, Петруша, у кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго“. Онъ былъ скромнень и снисходителенъ въ кругу друзей, но сильно вспыльчивъ, заносчивъ и раздражителенъ, когда встрѣчалъ людей не по душѣ... Тутъ онъ готовъ былъ придратъ къ нимъ изъ пустяковъ и горе тому, кто попался къ нему на зубокъ... тогда соперникъ бывалъ разбитъ въ пухъ и прахъ, потому что сарказмы его были неотразимы! Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ: когда ГрибоѢдовъ привезъ въ Петербургъ свою комедію, Николай Ивановичъ Хмельницкій просилъ его прочесть ее у него на дому; ГрибоѢдовъ согласился. По этому случаю, Хмельницкій сдѣлалъ обѣдъ, на который, кромѣ ГрибоѢдова, пригласилъ нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ, въ числѣ послѣднихъ были: Сосницкій, мой братъ и я. Хмельницкій жилъ тогда бариномъ, въ собственномъ домѣ—на фонтанкѣ у Симіоновскаго моста. Въ назначенный часъ собралось у него небольшое общество. Обѣдъ былъ роскошенъ, веселъ и шуменъ... Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостинную, подали кофе и закурили сигары... ГрибоѢдовъ положилъ рукопись своей комедіи на столъ; гости, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, начали придвигать стулья; каждый старался помѣститься поближе, чтобъ не проронить ни одного слова... Въ числѣ гостей былъ тутъ нѣкто Василій Михайловичъ Федоровъ, сочинитель драмы „Лиза, или торжество благодарности“ и другихъ давно уже забытыхъ пьесъ... Онъ былъ человекъ очень добрый, простой, но имѣлъ претензію на остроуміе... Физиономія-ли его не понравилась ГрибоѢдову, или можетъ быть старый шутникъ переселилъ за обѣдомъ, рассказывая неостроумные анекдоты, только хозяину и его гостямъ пришлось быть свидѣтелями довольно непріятной сцены... Покуда ГрибоѢдовъ закуривалъ свою сигару, Федоровъ, подойдя къ

стола, взявъ комедію (которая была переписана довольно разгонисто), покачалъ ее на рукѣ и, съ простодушной улыбкой, сказалъ: „Ого! какая полновѣсная!.. Это стѣбитъ моей Лизы“. Грибовдовъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ очковъ и отвѣчалъ ему, сквозъ зубы: „Я пошлостей не пишу“. Такой неожиданный отвѣтъ, разумѣется, огорошилъ Ѳедорова и онъ, стараясь показать, что принимаетъ этотъ рѣзкій отвѣтъ за шутку, улыбнулся, и тутъ же поторопился прибавить: „Никто въ этомъ не сомнѣвается Александръ Сергѣевичъ; я не только не хотѣлъ обидѣть васъ сравненіемъ со мной, но право, готовъ первый смѣяться надъ своими произведеніями“. — „Да, надъ собой-то вы можете смѣяться, сколько вамъ угодно, а я надъ собой—никому не позволю...“ — „Помилуйте, я говорилъ не о достоинствѣ нашихъ пьесъ, а только о числѣ листовъ“. — „Достоинствъ моей комедіи вы еще не можете знать, а достоинства вашихъ пьесъ всѣмъ давно извѣстны“. — „Право, вы напрасно это говорите, я повторяю, что вовсе не думалъ васъ обидѣть“. — „О, я увѣренъ, что вы сказали, неподумавши, а обидѣть меня вы никогда не можете“.

Хозяинъ отъ этихъ шпилекъ былъ какъ на иголкахъ, и желая шуткой какъ-нибудь замаять размолвку, которая принимала не шуточный характеръ, взялъ за плечи Ѳедорова и, смѣясь, сказалъ ему: „Мы за наказаніе посадимъ васъ въ задній рядъ кресель...“

Грибовдовъ, между тѣмъ, ходя по гостинной съ сигарой, отвѣчалъ Хмельницкому: „Вы можете его посадить, куда вамъ угодно, только я, при немъ, своей комедіи читать не стану...“ Ѳедоровъ покраснѣлъ до ушей и походилъ въ эту минуту на школьника, который силится схватить ежа—и гдѣ его ни тронетъ, вездѣ уколется... Очевидно, что хозяинъ былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе между своими гостями, не зналъ чью сторону принять, и всѣми силами старался какъ-нибудь потушить эту вздорную ссору, но Грибовдовъ былъ непреклоненъ, и ни за что не соглашался, при Ѳедоровѣ начать чтеніе... Нечего было дѣлать... бѣдный авторъ добродѣтельной Лизы взялъ шляпу и, подойдя къ Грибовдову, сказалъ: „Очень жаль, Александръ Сергѣевичъ, что невинная моя шутка была причиной такой неприятой сцены... и я, чтобъ не лишать хозяина и его почтенныхъ гостей удовольствія слышать вашу комедію, ухожу отсюда...“ Грибовдовъ съ жестокимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ ему на это: „Счастливаго пути!“ Ѳедоровъ скрылся... Итакъ, драматургу, изъ-за своей несчастной драмы, пришлось сыграть комическую роль, а комикъ чуть не разыгралъ драмы изъ-за своей комедіи.

По уходѣ Ѳедорова, чтеніе началось—и нужно-ли говорить, какой эффектъ произвела эта комедія на слушателей!

Здѣсь, для контраста, приведу другой случай изъ домашней жизни покойнаго Александра Сергѣевича. Былъ у него камердинеръ, крѣпостной его человѣкъ, который съ малолѣтства находился при немъ для прислуги; онъ вмѣстѣ съ нимъ выросъ и былъ при немъ безотлучно во всѣхъ его путешествіяхъ. Грибовдовъ его очень любилъ и даже баловалъ, вслѣдствіе чего слуга зачастую фамильярничалъ со своимъ господиномъ. По какому-то странному случаю, этотъ слуга назывался Александромъ Грибовымъ и Грибовдовъ часто называлъ его тѣской. Однажды Александръ Сергѣевичъ ушелъ въ гости на цѣлый день. Грибовъ, по уходѣ его, заперъ квартиру на ключъ и самъ тоже куда-то отправился... Часу во второмъ ночи, Грибовдовъ воротился домой; звонить, стучить—дверей не открываютъ... онъ еще сильнѣе—нѣтъ отвѣта. Помучившись напрасно съ четверть часа, онъ отправился ночевать къ своему пріятелю Андрею Андреевичу Жандру, который жилъ тогда недалеко отъ него.

На другой день Грибовдовъ приходитъ домой; Грибовъ встрѣчаетъ его, какъ ни въ чемъ не бывало. „Сашка! куда ты вчера уходилъ?“ спрашиваетъ Грибовдовъ.

— Въ гости ходилъ... отвѣчаетъ Сашка.

— Но я во второмъ часу воротился, и тебя здѣсь не было.

— А почему же я зналъ, что вы такъ рано вернетесь? возражаетъ онъ такимъ тономъ, какъ будто вся вина была на сторонѣ барина, а не слуги.

— А ты въ которомъ часу пришелъ домой?

— Ровно въ три часа.

— Да, сказалъ Грибовдовъ, ты правъ, ты точно, въ такомъ случаѣ, не могъ мнѣ открыть дверей...

Нѣсколько дней спустя, Грибовдовъ сидѣлъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ и что-то писалъ... Александръ пришелъ къ нему и спрашиваетъ его:

— А что, Александръ Сергѣевичъ, вы не уйдете сегодня со двора?

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да мнѣ-бы нужно было сходить часа на два, или на три въ гости.

— Ну, ступай, я останусь дома.

Грибовъ разфрантился, надѣлъ новый фракъ и отправился... Только что онъ за ворота, Грибовдовъ снимаетъ халатъ, одѣлся, заперъ квартиру, взявъ ключъ съ собою и ушелъ опять ночевать къ Жандру. Время было лѣтнее; Грибовъ воротился часу въ первомъ... звонить, стучить, двери не открываются... Грибовъ видитъ что дѣло плохо, стало-быть, баринъ надулъ его... Уйти ночевать куда-нибудь нельзя, неравно баринъ вернется

ночью. Нечего было дѣлать; ложится онъ на полу, около самыхъ дверей и засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Рано по утру, Грибовѣдовъ воротился домой, и видитъ что его тѣзка, какъ вѣрный песъ, растянулся у дверей своего господина. Онъ разбудилъ его, и, потирая руки, самодовольно говоритъ ему: „А? что?.. франтъ-собака, каково я тебя прошколилъ... славно отомстилъ тебѣ! Вотъ, еслибъ у меня не было по близости знакомаго, и мнѣ-бы пришлось на прошлой недѣлѣ также ночевать, по твоей милости!“... Грибовѣдъ вскочилъ, какъ встрепанный и, потягиваясь, сказалъ ему: „Куда какъ остроумно придумали!.. есть чѣмъ хвастать“.

Другой разъ, при мнѣ, Грибовѣдовъ садится за фортепьяно, у которыхъ одна ножка была безъ колеса и для подпорки подъ нее обыкновенно подставляли какой-то брусокъ... на этотъ разъ бруска не оказалось и фортепьяно шаталось во всѣ стороны... Грибовѣдовъ зоветъ своего Грибова и говоритъ ему: „Ты вѣрно опять сегодня игралъ безъ меня на фортепьяно?“

— Игралъ немножко... отвѣчаетъ онъ фамиллярно.

— Ну такъ и есть!—А куда дѣвался брусокъ?

— Не знаю.

— А что ты игралъ?

— „Барыню!“

— Ну-ка, сыграй... Слуга, безъ церемоніи, садится за фортепьяно и однимъ пальцемъ наигрываетъ извѣстную пѣсню: „Барыня-сударыня, протяните ножку“. Грибовѣдовъ прослушалъ его съ пол-минуты, покачалъ головою, и сказалъ ему: „Ахъ, ты дрянъ этакая, понятія не имѣешь, какъ надо играть, а портишь мнѣ фортепьяно!.. По-ш-ш-шелъ! играй лучше въ свайку, или въ бабки!“

Эти два анекдота ясно обрисовываютъ простодушный характеръ Грибовѣдова. Впослѣдствіи, этотъ самый Грибовѣдъ былъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ въ Тегеранѣ и въ 1829 году, во время кровавой катастрофы, какъ мнѣ рассказывали, былъ изрубленъ вмѣстѣ съ нимъ.

Извѣстно, что Грибовѣдовъ, въ 1826 году, былъ вытребованъ изъ Тифлиса слѣдственной комиссіей по дѣлу 14 декабря; его подозрѣвали также прикосновеннымъ къ заговору; онъ былъ съ фельдъегеремъ привезенъ въ Петербургъ и содержался нѣсколько дней подъ арестомъ въ главномъ штабѣ. Вскорѣ, однако, онъ былъ освобожденъ, потому что никакихъ уликъ противъ него не оказалось. Я помню его экспромтъ, сказанный имъ по поводу этого ареста... вотъ онъ:

«По духу времени и вкусу,

Онъ ненавидѣлъ слово:—рабъ...»

За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянуть къ Иисусу!> *)

Въ началѣ весны, въ 1828 году, незадолго до своего отъѣзда въ Тегеранъ, Александръ Сергѣевичъ зашелъ ко мнѣ... Тогда я уже былъ женатъ; онъ желалъ поздравить меня и жену мою съ законнымъ бракомъ... (его не было въ Петербургѣ, когда мы съ играли нашу свадьбу**). Мы съ женою поздравляли его и съ царскою милостью и съ блестящей карьерой (онъ тогда только-что былъ назначенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ). На наше радушное привѣтствіе онъ отвѣчалъ какъ-то грустно, точно предчувствіе щемило его вѣщее сердце: „Богъ съ ними, съ этими почестями!—говорилъ онъ—мнѣ-бы только устроить и обезпечить мою старушку-матушку, а тамъ я бы опять вернулся сюда... дайте мнѣ мое свободное время, мое перо и чернилицу, больше мнѣ ничего не надо!“ Когда же я заговорилъ объ его высокомъ назначеніи, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Не люблю я персіанъ, это самое коварное и предательское племя“. Потомъ, когда онъ собирался уходить, жена моя сказала ему: „Неужели, Александръ Сергѣевичъ, Богъ не приведетъ вамъ увидѣть свою чудную комедію на нашей сценѣ?“—Онъ грустно улыбнулся, взглянулъ на нее изъ-подъ очковъ, и сказалъ ей: „А какая бы вы была славная Софья!“ Грустно было на этотъ разъ наше прощаніе съ нимъ... Не прошло и году послѣ нашей разлуки, какъ его не стало: онъ погибъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 года.

П. А. Каратыгинъ.

*) Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ П. А. Ефремова это четверостишіе сохранилось въ другой, едва-ли не болѣе вѣрной редакціи:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово рабъ,—
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Иисусу.

Кстати о четверостишіяхъ Грибовдова. Эпиграфъ къ его комедіи появился лишь въ послѣднихъ ея изданіяхъ, т.-е. въ концѣ 1850-хъ и начала 1860-хъ гг. Въ нашемъ спискѣ «Горе отъ ума»,— подаренномъ намъ И. И. Введенскимъ, четверостишіе читается иначе, противъ напечатаннаго напр. въ изд. 1860 г., а именно:

Судьба, проказница-шалунья,
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ — счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума.

Ред.

***) Первая моя жена была Любовь Осиповна Дюрова (ученица кн. Шаховскаго), родная сестра извѣстнаго артиста Николая Осиповича Дюра. Она такъ же, какъ и братъ ея, была въ свое время любимицей публики. Она скончалась въ томъ же 1828 году.

П. К.